

Категория читательской грамотности в «литературе факта» Сергея Третьякова

Ёнсу Ли

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ys99932@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена выявлению специфики применения категории читательской грамотности в теории «литературы факта» Сергея Третьякова и ее роли в деконструкции традиционных представлений о художественном творчестве и об авторе. Показано, как расширенное понимание грамотности становится инструментом функционализации литературы как средства фиксации и преобразования социальной реальности, в частности, преодоления границ между автором и читателем. С этой целью проанализирована эволюция понятия грамотности. Основное внимание уделяется анализу важных теоретических тезисов Третьякова, и выясняется, что в его теории ключевую роль играет идея вовлечения читательских масс в активное письмо как условия фиксации фактов. Рассматривается также роль технологических средств, включая фотографии, как инструментов упрощения письма непрофессионалов. Рассматриваются связь практической грамотности и отказа от вымысла, а также размывание границ между писателем и читателем. Основываясь на идеях Бахтина, анализируются последствия переосмысления понятия грамотности Третьяковым, которые оказываются деструктивными моментами стирания границ эстетической деятельности. В статье подчеркивается важность проблематизации «литературы факта» для теории литературы в контексте «кризиса авторства» XX в. и поиска новых литературных практик.

Ключевые слова: Сергей Третьяков, читательская грамотность, литература факта, производственное искусство, Михаил Бахтин, теория литературы

Для цитирования: Ли Ё. Категория читательской грамотности в «литературе факта» Сергея Третьякова // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 11. Ч. 2. С. 288–297. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-11-288-297

The category of reader's literacy in Sergei Tret'yakov's "literature of fact"

Youngsu Lee

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, ys99932@gmail.com*

Abstract. The article deals with identifying the specifics of applying the category of reader's literacy in Sergei Tret'yakov's theory "literature of fact" and its role in deconstructing traditional notions of artistic creation and authorship. It shows how an expanded understanding of literacy becomes an instrument for the functionalization of literature as a means of recording and transforming social reality, particularly in overcoming the boundaries between author and reader. To this end, the evolution of the concept of literacy is analyzed. The main focus is on Tret'yakov's important theoretical theses, and it is revealed that a key role in his theory is played by the idea of involving the reading masses in active writing as a condition for recording facts. The role of technological tools, including photography, as instruments for simplifying the writing of non-professionals is also considered. Beside it sees into the connection between practical literacy and the rejection of fiction, as well as the blurring of boundaries between writer and reader. Following Mikhail Bakhtin's ideas, the author analyzes the consequences of Tret'yakov's reinterpretation of the concept of literacy, which turn out to be destructive moments in the effacement of the boundaries of aesthetics. The article emphasizes the importance of problematizing the "literature of fact" for literary theory in the context of the "crisis of authorship" in the 20th century and the search for new literary practices.

Keywords: Sergei Tret'yakov, readers' literacy, literature of fact, industrial art, Mikhail Bakhtin, theory of literature

For citation: Lee, Y. (2025), "The category of reader's literacy in Sergei Tret'yakov's 'literature of fact' ", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 11, part 2, pp. 288–297, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-11-288-297

Понятие грамотности исторически значительно расширилось по сравнению со словарным определением как «умение читать и писать». В настоящее время грамотность понимается гораздо шире: она включает в себя обработку текста; взаимодействие с текстом; а также участие в социальном взаимодействии, иначе говоря, культуру художественного общения. В этом контексте читательская рецепция приобретает особо важное значение как акт

критического осмысления и самовыражения, выходящий за рамки поверхностного восприятия текста.

В послереволюционные годы существования СССР проблема элементарной грамотности, как и многие другие, стала важнейшей задачей. Однако подход советской власти к проблеме грамотности, несмотря на ее радикальность, производит впечатление сохранения традиционного «минимального» ее понимания. Движение «Ликбез», развернувшееся в 1920–1930-х гг. в рамках государственной политики, хотя и достигло значительных количественных результатов [Миронов 1996], тем не менее фокусировалось преимущественно на улучшении базовых навыков чтения и письма населения. Таким образом, данная государственная инициатива мало чем отличалась от аналогичных программ модернизации в других государствах Нового времени и не обеспечивала уникальности «пролетарского государства» в данном аспекте.

В этом плане теория «литературы факта» Сергея Третьякова предстает новой попыткой осмысления и подхода к категории читательской грамотности в иной, не полностью институционализированной сфере того периода (1920–1930-х гг.). Хотя Третьяков редко использовал термин «грамотность» в своих трудах, данная категория занимает в его теории весьма важное место. Это обусловлено тем, что реализация теории требовала обязательного вовлечения грамотных масс в активную практику, подразумевающую не только чтение, но и критическое мышление и письмо. «Литература факта», задачей которой является фиксация целостной картины жизни и ее изменений, с точки зрения Третьякова, представляла собой работу, которую невозможно было бы целиком возложить на узкую профессиональную прослойку писателей. Следовательно, одним из важнейших положений его теории было вовлечение широкой читательской массы в качестве соучастников литературного производства, т. е., соавторов произведения. В этом контексте развитие грамотности на уровне всего общества становилось ключевым условием.

Данная работа посвящена анализу идеи читательской грамотности в теории «литературы факта» Третьякова, где читатель-реципиент осмысливается как активный субъект, не только читающий, но и пишущий и мыслящий. Цель данной статьи не заключается в утверждении, что советский литературный деятель своей теорией предвосхитил современные (особенно западные) аргументы касательно грамотности. Задача заключается, прежде всего, в выявлении того, как различные аспекты концепции читательской грамотности внутри теории Третьякова приводят к вытеснению возможностей подлинного художественного творчества.

Можно обнаружить исследования сопоставления категории грамотности с теоретическим проектом Третьякова. На данный момент нам известно как минимум два таких исследования: одно связано с изучением фотограмотности у К. Рейшль [Reischl 2018, pp. 101–145], другим является более ранняя наша работа, одна часть которой послужила отправной точкой для настоящего исследования [Ли 2023, с. 82–98]. Однако в рамках теории литературы до сих пор явно не хватает исследований, посвященных тому, каким именно образом переосмысление читательской грамотности у Третьякова вовлечено в противостояние собственно эстетической деятельности. Введение категории грамотности позволяет более четко понять, каким образом в «литературе факта» происходят функционализация и расширение понятия «литература». И в результате этого, напротив, обнаруживается игнорирование категории художественного творчества в его теории.

Проект социализации читательской грамотности

Как известно, одной из наиболее характерных черт «литературы факта» является отказ от выдуманного сюжета. Как ясно видно уже из предисловия к одноименному сборнику «Литература факта», последователи данного теоретического направления требовали «литературы не наивного и лживого правдоподобия, а самой всамделишной и максимально точно высказанной правды»¹. Важно подчеркнуть, что в аспекте грамотности отказ от художественного вымысла трудно отделить от другого мотива – социальной практики читательской грамотности.

Одной из фундаментальных идей «литературы факта» было стремление критически осмыслить то обстоятельство, что литературное творчество стало восприниматься как исключительная прерогатива особого профессионального сословия. С позиции Третьякова и его соратников теория внесюжетной прозы, попытки преодолеть индивидуализацию и субъективизм писателя сопряжены с устремлением к социализации читательской грамотности. Расширение грамотности как социальной практики становилось необходимым, поскольку «литература факта» ставила своей целью фиксацию особой сферы социальной жизни.

---

¹ Об этой книге и об нас (предисловие) // Литература факта. Первый сборник материалов работников ЛЕФа / под ред. Н.Ф. Чужака. М.: Захаров, 2000. С. 5.

Третьяков последовательно отстаивал необходимость вовлечения широкой пролетарской массы в практику письма, что объяснялось не только стремлением к максимально полному сбору «чешуи» фактов², но и осознанием важности умения и навыков фиксирующего. По его мнению, свидетели, непосредственные участники событий социальной жизни были наилучшими субъектами фиксации «факта» как события социальных изменений.

Стремление к тотальности, которое в классическом романе выражалось в стремлении «полигисторского» типа писателя, подобного Толстому, к созданию монументального эпоса, у Третьякова предполагает смену пишущего субъекта: коллективная масса на местах производства должна была стать фиксатором реальности. Этот сдвиг удачно метафорически описывается как переход литературы от ремесленного производства к массовому. В этом контексте Третьяков провозглашает: «наш эпос – газета»³.

Массовое производство «фактов» означало стремление к максимальному охвату реальности. «Литература факта», по замыслу Третьякова, не ставила целью массовую подготовку профессиональных писателей. Направление развития производства «литературы факта» выражено в его понятии «депрофессионализация» – неограниченное открытие практики письма для широкой читательской массы. В этом контексте принципиальным является акцент не только на чтении, но и на письме: «Параллельно процессу коллективизации писательского ремесла мы констатируем и другой, а именно: процесс депрофессионализации самих писателей. Завоевание “литературой факта” себе устойчивого положения выдвигает <...> новых людей – носителей нового социально весомого специфического материала. <...> Мы не думаем, что умение писать должно быть сосредоточено в небольшой группе литспецов, а наоборот: умение быть писателем должно стать таким же основным культурным качеством, как и умение читать»⁴.

Следовательно, одним из методологических стержней реализации «литературы факта» можно считать «социализацию читательской грамотности», которая в значительной степени ориентирована на снятие ограничений, существовавших в области письма. Однако депрофессионализация не означала снижения качества функ-

---

² Третьяков С.М. От фотосерии – к длительному фотонаблюдению // Пролетарское фото. 1931. № 12. С. 45.

³ Третьяков С.М. Новый Лев Толстой // Новый ЛЕФ. 1927. № 1. С. 36.

⁴ Третьяков С.М. Продолжение следует // Литература факта: Первый сборник материалов работников ЛЕФа / под ред. Н.Ф. Чужака. М.: Захаров, 2000. С. 281.

циональной грамотности. Как видно из утверждений Третьякова о необходимости подымать функции «фактофиков» и рабочих корреспондентов «к высокой квалификации»⁵, а также из его критики недостаточной квалификации кинематографистов⁶, он, напротив, настаивал на укреплении функций каждого работника-пишущего. Таким образом, «депрофессионализация» у него подразумевала не отрицание профессионализма как такового, а разрушение его прежнего монопольного статуса.

При этом в теоретических разработках параллельно проявляется стремление упростить понятие самого акта «письма». Как в 1926 г. Луначарский отметил, что «в СССР будет как всеобщая грамотность вообще, так и фотографическая грамотность в частности»⁷, так и Третьяков проявлял глубокий интерес к различным технологическим средствам, в том числе камере. С точки зрения функциональной подготовки, легкость в использовании камер придавала особую важность визуальной фиксации в рамках практики фактографии и «литературы факта». Как отмечает К. Рейшль, в проекте Третьякова признается функциональное тождество между актами письма и съемки. Предпочтение Третьяковым жанра очерка в «литературе факта» объясняется его быстротой написания и четкостью композиции, что позволяло вовлекать в процесс создания текстов даже непрофессионалов. С этой точки зрения очерк рассматривался как важный инструмент быстрого развития необходимой грамотности у новых «пишущих-читателей», аналогично роли, которую играла камера в области визуальной фиксации [Reischl 2018, pp. 110–113].

Отказ от эстетической деятельности

Таким образом, теория «литературы факта» Сергея Третьякова оказывается тесно связанной с требованием к практической читательской грамотности. Как было показано ранее, «читательская грамотность» в данном контексте не ограничивается лишь способностью к чтению. С точки зрения метода и результата, мы можем охарактеризовать данную теорию как тяготеющую к размыванию границ: в ней исчезает различие между писателем и читателем; в бессюжетной прозе, исключаяющей выдумку, а также в примере

⁵ Там же. С. 282.

⁶ *Tretyakov S.M., Mihailova M., Salazkina M.* The industry production screenplay // *Cinema Journal*. 2012. Vol. 51. No. 4. P. 133.

⁷ *Луначарский А.В.* Наша культура и фотография // *Советское фото*. 1926. № 1. С. 2.

с камерой разрушается традиционная рамочная структура произведений [Reischl 2018, pp. 110–113].

Хотя мы установили, что стремление «литературы факта» к производству тотального факта (осуществляемого коллективным субъектом – «коллективным мозгом революции»⁸) отличается от современной критической теории грамотности, но данный вывод не является итоговым. Более важно подчеркнуть следующее: «литература факта» задействует радикальное переосмысление читательской грамотности для деконструкции самой категории «автора» в художественном творчестве.

«Литература факта» представляет собой серьезный вызов установленным рамкам литературы как эстетической деятельности, стремясь трансформировать ее в практику фиксации объективной реальности. Она осуществляет сдвиг от категории литературы как «словесного искусства» к категории «письма» как такового. Иными словами, она стремится не столько отказаться от литературы в пользу журналистики, сколько инициировать революцию внутри самой литературы, что подтверждается не только биографией ее главного теоретика (началом карьеры Третьякова в качестве футуристического поэта и драматурга), но и самим названием теории – «*литература факта*». Таким образом, требование к количественному расширению вооруженных идей пролетарских писателей как к способу качественного изменения литературного поля было Третьякову чуждо. Изменения касались самой категории литературы, радикально ее переопределяя.

Наиболее важным элементом в этом процессе является читательская грамотность, которая выступает движущим фактором, сделавшим возможным подобный переход. В этом аспекте мы наблюдаем своего рода возврат к эпохе до XVIII в., когда еще не существовало, по словам Бартона, разделения между «грамотностью» и «литературностью» [Barton 2007, pp. 163–173]. Теперь литература как письмо удаляется от каких-либо художественных жанров и приемов, превращаясь исключительно в фиксацию событий.

Восстав против классического разграничения сознаний (пишущего и читающего), Третьяков, практически стирая грань между ними, разрушает возможность существования литературы как эстетической деятельности. Если в «литературе факта» невозможно создание «произведения», то это происходит по двум причинам. Во-первых, произведение не достигает завершенности в первичном смысле: возникновение художественного смысла в замкнутом, воображенном мире (гетерокосмосе) становится невозможным вслед-

---

⁸ Третьяков С.М. Новый Лев Толстой... С. 35.

ствии радикального смещения пишущего субъекта к реальному миру. Во-вторых, произведение остается незавершенным в расширенном смысле: гипертрофированное определение читательской грамотности в «литературе факта» размывает границы понятия творчества.

Бахтин, называвший художественную культуру «культурой границ» [Бахтин 1986], разграничивал три стороны творческого акта: автор, герой и читатель. Они должны сохранять свои уникальные и привилегированные позиции на протяжении всего процесса творения произведений. Особенно это касается автора: эстетическая деятельность возникает благодаря его «внеаходимости» и создает избыточность видения – совокупность того, что только он может увидеть. Как известно, Бахтин подчеркивал необходимость возвращения пишущего субъекта на свое место после «вживания» в объект. Именно в этом заключается художественно осмысленное творчество.

Метод коллективного литературного производства, предложенный Третьяковым, реализует единство этих трех ипостасей не через уважение к их единственности, а посредством их буквальной тождественности. Автор и читатель становятся одним и тем же субъектом, равно как и герой. В этом случае субъектом всех действий выступает анонимная, коллективная масса трудящихся-читателей; ее темой является производство, а героем – она сама. При успешной реализации этой теории субъект писал бы о себе самом и читал бы о себе самом, тем самым погружаясь в бесконечный цикл саморефлексии и автореференции. Однако одного лишь фиксирования фактов недостаточно для порождения событий с художественным смыслом.

Заключение

В заключение хотелось бы кратко отметить, почему данное литературное явление заслуживает дальнейшего изучения в рамках теории литературы. Попытка Третьякова связана с «кризисом авторства», который разворачивался на протяжении всего XX в. в области художественного творчества. Не только Третьяков, но и сам Толстой выражал сомнения в неисчерпанных возможностях выдумки⁹. Поколебленность эстетической позиции автора способство-

---

⁹ «Начал было продолжать одну художественную вещь, но, поверите ли, совестно писать про людей, которых не было и которые ничего этого не делали. Что-то не то» (*Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. / под общ. ред. В.Г. Черткова. Т. 66. М.; Л.: Художественная литература, 1928–1958. С. 366).

вала поиску новых путей. Хорошо известно, что различные течения модернистских и авангардистских экспериментов были не только симптомами кризиса авторства, но и поисками выхода из него.

Следует обратить внимание на то, что Бахтин, будучи диагностом этого кризиса, в своих поздних работах проявлял к нему интерес без враждебности: он говорил о мире, где границы не просто оказываются «трансгредийентными», а исчезают. Вспомним его описание карнавального слова: «Слово в этом прологе – “крик”, т. е. громкое площадное слово, *в толпе, из толпы и обращенное к толпе*. Говорящий солидарен с площадной толпой, не противопоставляет себя ей, не учит ее, не обличает, не устрашает – он смеется вместе с нею» [Бахтин 1990, с. 185] (курсив наш. – Ё. Л.).

В определенном смысле это карнавальное слово соприкасается с советским проектом коллективного читающего-пишущего субъекта, автореферентно производящего тексты. Учитывая, что образ автора как «трансгредийентного элемента» мог сформироваться только при допущении обрамления, структурирующего различные элементы произведения, поворот исследовательского интереса Бахтина оказывается поистине примечательным. Можно предположить, что «мыслитель разноречия» видел в этой тенденции еще одну форму сознания в истории литературы: мир не только обрамленных, но и неразграниченных сознаний и элементов. Эта тема требует отдельного рассмотрения, однако, подводя итог, следует однозначно заявить: «литература факта», хотя и не является эстетической деятельностью в строгом значении, может и даже должна подвергаться проблематизации в рамках теории литературы.

Литература

- Бахтин 1986 – *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 7–180.
- Бахтин 1990 – *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 545 с.
- Ли 2023 – *Ли Ё.* 세르게이 트레티아코프의 생산주의 기획에 나타난 생산 과정의 총괄적 조망: 수용자 대중의 측면을 통한 접근 [Общий взгляд на производственный процесс Сергея Третьякова как представителя движения «Производственное искусство» с точки зрения массовой аудитории]: Дис. ... магистра филол. наук. Сеул: Ун-т иностранных языков Ханкук (한국외국어대학교), 2023.
- Миронов 1996 – *Миронов Б.Н.* Развитие грамотности в России и СССР за тысячу лет: X–XX вв. // *Studia Humanistica: Исследования по истории и филологии* / отв. ред. Н.Г. Беспятых. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 1996. С. 24–46.

- Barton 2007 – Barton D. Literacy: An introduction to the ecology of written language. Oxford: Wiley-Blackwell, 2007. 264 p.
- Reischl 2018 – Reischl K.M.H. Photographic literacy. Cameras in the hands of Russian authors. N.Y.: Cornell University Press, 2018. 320 p.

References

- Bakhtin, M.M. (1986), “Author and hero in aesthetic activity”, in Bakhtin, M.M., *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creative work], Iskusstvo, Moscow, USSR, pp. 7–180.
- Bakhtin, M.M. (1990), *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [The works of François Rabelais and the popular culture of the Middle Ages and the Renaissance], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR, 545 p.
- Barton, D. (2007), *Literacy: An introduction to the ecology of written language*, Wiley-Blackwell, Oxford, UK.
- Lee, Yo. (2023), 세르게이 트레티아코프의 생산주의 기획에 나타난 생산 과정의 총괄적 조망: 수용자 대중의 측면을 통한 접근 [A general look for the production process of Sergei Sergei Tret'iakov' as a representative of the “Industrial Art” movement from the perspective of the mass audience], Master's dissertation, Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Republic of Korea.
- Mironov, B.N. (1996), “The development of literacy in Russia and the USSR over a thousand years. 10th – 20th centuries”, in Bespyatykh, N.G., ed., *Studia Humanistica: Issledovaniya po istorii i filologii* [Studia Humanistica. Studies in history and philology], Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr “Blits”, Saint Petersburg, Russia, pp. 24–46.
- Reischl, K.M.H. (2018), *Photographic literacy. Cameras in the hands of Russian authors*, Cornell University Press, New York, USA.

Информация об авторе

Ёнсу Ли, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; ys99932@gmail.com

Information about the author

Yongsu Lee, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; ys99932@gmail.com